

К вопросу об этнических маркерах калмыков: улан зала

To the Question About Ethnic Markers of the Kalmyks: *Ulan Zala*

*Т. И. Шараева (T. Sharaeva)*¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: sharaevati@kigiran.com

Ph. D. in History (Candidate of Historical Sciences), Senior Research Associate, Department of History, Ethnology and Archeology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: sharaevati @kigiran.com

Аннотация: В статье рассматривается понятие *улан зала* у калмыков. Знакомость его как этнического символа способствовала включению термина в этноним. Для современных калмыков *улан зала* выполняет роль этноразличительного маркера. Связь *улан зала* с традиционным мировоззрением калмыков способствовала сохранению его как сакрального символа в современных реалиях.

Ключевые слова: калмыки, этническая культура, маркеры, улан зала, головной убор.

Abstract. The article deals with the concept of ‘ulan zala’ (Kalm. ‘red tassel’) among the Kalmyks. The significance of the term as an ethnic symbol resulted in its inclusion in the ethnonym. For modern Kalmyks, the ulan zala acts as an ethnic identity marker. The connection of the ulan zala to the traditional Kalmyk mindset contributed to its preservation as a sacred symbol in modern realia.

Keywords: Kalmyks, ethnic culture, markers, ulan zala, headgear.

Последствия трансформационных процессов бурного XXI в. привели к тому, что многие народы с разной интенсивностью и в различных аспектах заняты поиском и выделением тех значимых для них этнических символов, маркеров, которые не позволяют раствориться, утратить свою историческую и культурную уникальность, потерять собственные традиции и обычаи в современном глобализованном мире. Этническая идентичность содержит сложные составляющие, которые включают историческую, со-

циальную, культурную, политическую и экономическую сферы обеспечения жизненного пространства того или иного социума. «Этническая идентификация требует „концептуальных обоснований“ в виде идей, представлений, символов, которые, как правило, известны всем членам этнической общности и способствуют выделению своей группы среди других» [Имкенова 1999: 79].

У калмыков, потомков ойратов, совершивших трансконтинентальный переход из Азии в Европу и поселившихся в степях Поволжья и Северного Кавказа с XVII в., этническая идентичность имеет множество уровней, в которых отразилась история этноса. На современном этапе, когда в жизни этноса происходят коренные изменения, актуальное значение имеют те символы, которые позволяют концептуально выделить представителей этноса среди множества родственных и других этносов и вместе с тем обладают объединяющей символикой внутри этноса, позволяя каждому представителю ощутить единство, способствуя обеспечению стабильности, развития и выживания этноса в целом.

Одним из таких знаковых символов для современных калмыков является *улан зала* (букв. ‘красная макушка’, ‘красная кисточка’) — элемент традиционного головного убора. Это кисть, или помпон, при изготовлении которого используется нить красного цвета. Почему этот символ стал играть такую большую роль в жизни современных калмыков, если традиционные головные уборы, как и традиционная одежда, вышли из употребления в первой половине XX в.? Активизация вопросов «возрождения традиционной культуры» в современных реалиях привела к тому, что в условиях утраты многих компонентов традиционной культуры на первый план выдвинулась знаковость отдельных элементов материальной культуры и ритуалов, указывающая и подчеркивающая этническую идентичность народа.

Улан зала, как атрибут и термин, используется в разных сферах. Например, кисть из шелковых нитей красного цвета привязывают к женской сумочке, портфелям, спортивным головным уборам, брелок, антеннам на автомобилях, носят на стилизованных головных уборах. Сам атрибут входит как элемент геральдики в

герб Калмыкии; в припеве гимна республики, строки «Улан залата хальмгуд» звучат как своего рода призыв-обращение к представителям этноса. Московское калмыцкое объединение, в которое входят Межрегиональная ассоциация калмыцких студентов (МАКС), представители «Джунгарии», творческое объединение «Гем уга», кафе «Риото», ансамбль «Алти би» ('Золотой танец'), клуб калмыцкого языка в Москве «Хальмг келнэ клуб», спортивные объединения «Жаңһрин ачнр» ('Потомки Джангара'), «Prime-time», носит название «Улан зала». В самой республике проводится национальный конкурс «Улан зала» с премией «Муза» в 15 номинациях, учрежденный в целях сохранения и развития духовного и культурного потенциала народов Калмыкии и обеспечения в Республике Калмыкия государственной поддержки деятелей культуры и искусств¹.

Активисты Центра развития современной ойратской культуры «Тенгрин уйдл», деятельность которого ориентирована на развитие национального языка и культуры среди молодежи, выпустили в 2011 г. календарь «Улан залата баһчуд» с фотографиями молодых людей, активно проявивших себя в искусстве и спорте. В 2012 г. они провели акции «Улан зала» ('Красная кисть') и «Хальмгаһар куундий» ('Поговорим по-калмыцки'), в ходе которых раздавали красные кисточки *улан зала* и буклет с описанием значения этого символа, а также значок с изображением *бирһ*² для умеющих говорить на калмыцком языке или желающих на нем общаться.

Налаживание культурных контактов с монголоязычными народами Монголии и Китая помогло выделить и обозначить самобытность калмыцкого этноса, этому же способствует обширная информация об этнической истории и культуре, которая накопилась за последние десятилетия. Важное значение в связи с этим стало придаваться термину «улан залата хальмгуд» (букв. 'калмыки с красной кистью') как этнониму, самоназванию народа, что в определенной мере прослеживается на различных массовых меро-

¹ Указ о национальном конкурсе «Улан зала» (в ред. Указа Президента РК от 20.10.2000 № 178; от 08.04.2005 №50; в ред. Указов Главы РК от 01.09.2008 № 156, от 24.02.2015 № 20).

² Начальный знак в старокалмыцкой письменности.

приятных, в том числе тех, участниками которых являются представители монголоязычных народов России, Монголии и Китая. Так, например, на музыкальном фестивале «Пентатоника» при обращении к представителям калмыцкого этноса употребляется призыв-обращение «Улан залата хальмгуд!», что призвано обозначить именно представителей калмыцкого этноса и выделить их из общей массы присутствующих. Причем оно одинаково используется как участниками, этническими калмыками, так и гостями. Песня калмыцкого композитора А. Манджиева «Төрлмүд мини» (букв. ‘Мои сородичи’) стала настоящим гимном, который завершает многие выступления, когда все участники концертов исполняют эту песню. Если обратиться к словам песни и рассмотреть часть из них, то хорошо прослеживается мысль о родстве представителей ойратской общности в прошлом («өсрєн цусн, тасрєн махн» (букв. ‘отбрызнувшая кровь, оторвавшееся мясо’) — так принято у калмыков говорить о близких родственниках), о языковом единстве («ор һанцхн келтэ билэвидн» (‘были с единым языком’) — потомки представителей ойратских групп, в настоящее время постепенно переходящие на монгольский или китайский язык, воспринимают калмыцкий язык как язык сородичей, «ойратский язык», *өвкнрин келн* (‘язык предков’), что и находит отклик у потомков некогда общей ойратской общности, проживающих в настоящее время в разных странах. «Когда я вспоминаю вас, откочевавших, то глаза мои наполняются слезами, о, краснолицые мои сородичи, калмыки с красной кистью» — эта фраза из песни «Улан залата хальмгуд» (слова Мөңгєцєцєг) в наибольшей степени подчеркивает консолидирующую функцию *улан зала* ‘красной кисти’ как знака этнической идентичности современных калмыков и общей ойратской идентичности в прошлом.

Красная кисть *улан зала* была впервые введена у ойратов указом их правителя Тогон-тайши в 1437 г. и призвана была служить наглядным выражением их отличия от остальных монголов, что было, по мнению ряда ученых, связано с процессом консолидации западных монголов в ойратскую народность. После сражения в 1449 г. в местности Туму общемонгольского войска под предво-

дательством ойратского тайши Эсена с китайскими войсками появилась легенда, что после захвата в плен китайского императора ойратские воины разобрали красную кисть с головного убора императора, чтобы Эсен-хан видел, что это именно ойраты захватили императора. О значении плюмажей³ в жизни средневековых центральноазиатских воинов говорит тот факт, что по оформлению наголовья можно было узнать того или иного феодала. «Самым популярным типом плюмажа среди кочевников Центральной Азии и Южной Сибири <...> был султан из крашеного конского волоса или мелко разрезанных шелковых лент („улан зала“) <...> Предназначенный для плюмажа конский волос стягивался ниткой, иногда склеивался и скреплялся специальным фиксатором из дерева, ткани или кожи, после чего вставлялся в отверстие трубки-втулки шлема. В случае необходимости (например, при транспортировке шлема в чехле) такой султан можно было вынуть из втулки и сложить в сумку. Иногда волосяные кисти предварительно окрашивали, в большинстве случаев — в красный цвет <...> Ойраты настолько сроднились с „улан зала“, что в глазах остальных монголов красные кисти стали символом джунгарской независимости» [Бобров, Худяков 2008: 473].

На большое значение и сакральную символику этого элемента головного убора в жизни ойратов указывает и то, что после победы в 1481 г. над ойратами монгольская императрица Мандухай хатун повелела носить кисть на головных уборах на два пальца ниже, чем это было принято [Шара туджи 1957], что рассматривалось как символ покорения. Кроме этого, ею был введен запрет на традиционную терминологию молочной пищи, жилища, использование ножа при приеме пищи, надлежало также сменить традиционную позу на коленопреклоненную. Данные запреты базировались на традициях, этническом самосознании и картине мира ойратов, кроме морального унижения, они должны были «лишить сил» ойратов на сакральном уровне.

Гораздо позднее в 1750 г. уже калмыцкий хан Дондук-Даши издал закон, подтверждающий указ Тогон-тайши, что сакрального

³ Плюмажем обычно называется украшение из перьев на макушке головного убора.

значения «улан зала» для представителей ойратских групп, которые пришли в степи Поволжья и Северного Кавказа: в иноэтнической среде он был маркером и для своих, и для других этносов, проживавших в полиэтничном регионе. В связи с этим еще позднее уже в 1822 г. на Зензелинском собрании, на котором в первую очередь рассматривались вопросы об управлении калмыцким народом после ухода значительной части в 1771 г. в Джунгарию, одним из вопросов было утверждение постановления об обязательном ношении «улан зала» всеми калмыками.

У. Э. Эрдниев в своих историко-этнографических очерках о калмыках указывал, что «внешним материальным свидетельством сложения самостоятельной калмыцкой народности является общекалмыцкий символ „улан зала“ — красная кисточка на головных уборах всех слоев населения <...> отсюда выражение улан залата хальмг, сохранившееся только у калмыков» [Эрдниев 1980: 75]. В «Очерках истории» авторы отмечали, что «калмыки вплоть до Октябрьской революции часто называли себя „улан залата“ или „улан залата хальмг, т. е. носящие красную кисть“ или краснокисточные калмыки, вкладывая в эти слова смысл этнонима, равно по значению термину „калмык“» [Очерки истории 1967: 60]. А. Г. Митиров, обратившийся к данной теме в одной из своих статей, считал термин «улан залата хальмг» самоназванием калмыков. Как отмечал А. Г. Митиров, единственным исследователем, прямо указывавшим на этноним «улан залата хальмык» в качестве самоназвания калмыков, был П. Небольсин [Митиров 2012: 35].

Головной убор у монгольских народов был не просто атрибутом традиционного костюма, он имел свою особую символику, маркируя в антропоморфной картине мира голову человека, соотносимую с небосводом и миром небожителей, ниспосылающих жизнь и чадородие. Голова и волосы, головной убор у калмыков взаимосвязаны с понятием витальности, жизненного начала человека, даруемого свыше. О значении красной кисти как особого символа головного убора у калмыков говорил Н. А. Нефедьев: к шапкам, так и к шляпам пришиваются поверху шелковые кисти красного цвета, называемые зала, кисти сии служат не для одного

украшения, а составляют какой-то особый символ всеми уважаемый» [Нефедьев 1834: 140]. В «Ик Цааджин бичиг» упоминается о наказании за повреждение «улан зала»: издерет на ком-либо платье, с того взять двухлетнего жеребенка; кисть на шапке и коса имеют (цену) пяти (скотин) <...> Кто вырвет у женщины волосы или кисть на шапке, с того взять девяток⁴» [Голстунский 1880: 49–50].

Кисть, или помпон красного цвета, «улан зала» располагается по центру макушки головного убора, а на некоторых головных уборах у калмыков вся макушка шилась из лоскута ткани красного цвета и дополнительно украшалась «улан зала» или полностью состояла из пышной кисти по всей макушке, как на головном уборе замужних женщин «халмаг». Желание калмыков обозначать «улан зала» на головных уборах проявлялось и во время нахождения в депортации в 1943–1957 гг. и по возвращении из нее, когда на любые головные уборы нашивалась небольшая пуговица красного цвета. Это не противоречит традиции, что подтверждается описанием исследователей быта калмыков в XIX в.: «... в середине ее маленькая красная пуговка, а кругом ее широкая красная кисть из сученого шелка, а правильнее сказать из нашитых кругов шелковой бахромы» [Небольсин 1852: 55]. Традиционная форма ношения «улан зала» на головных уборах не предполагала большой длины кисти, которая не должна была мешать при работе или езде на лошади. Поэтому большие кисти, свисающие до края современных головных уборов, или очень крупные помпоны из нитей противоречат традиции.

Несомненно, что и красный цвет кисти, и нахождение ее на макушке головного убора связаны с понятиями жизненности, обеспечения потомством, кровного родства, а также с предками, с солярной символикой. Согласно представлениям калмыков, взаимодействие человека с небосводом и высшими силами происходит через макушку головы, так как в вертикальной проекции антропоморфной модели мира она является центром, «...где осу-

⁴ «Девяток» — это девять видов скота, которые использовались в качестве оплаты штрафной меры.

существляется соединение пространства и времени, где происходит рождение» [Традиционное мировоззрение ... 1988: 103]. Л. Л. Габышева, рассматривая представления о жизни и смерти в антропоморфной картине мира тюрко-монгольских народов, указала на существование представлений о передаче через головы мужчин или женщин жизненной основы ребенка [Габышева 2000: 101–102]. В фольклорных сюжетах калмыков есть описание появления человека через пробор на голове женщины или зачатие детей после проникновения жизненной субстанции *кишиг* (*кууқдин кишиг*) через макушку мужчины.

Солярная символика хорошо прослеживается в самой форме «улан зала», в оформлении макушки шапки тканью красного цвета. На традиционной женской шапке «халмаг» макушка иногда составлялась не из большого количества нитей, образующих пышную кисть, а из лоскутов ткани красного цвета, нашитых друг на друга так, чтобы свободные нити по краям образовывали бахрому. Если смотреть на такую шапку сверху, то на головном уборе четко просматривается изображение солнца.

В наибольшей степени сакральная и солярная символика «улан зала» проявлялась у калмыков на летнем празднике *Үрс сар*. В дни праздника совершались обряды поклонения дереву как «мировому столбу», соединяющему миры, солнцу, духу-хозяину местности (*һазр-усна эзн*) и «хозяину всей земли» *Делкэн Цаһан аав* (Белому старцу) для испрашивания потомства, процветания и благополучия для всего живого. Одним из проводившихся в дни праздника обрядов был обряд смены молодыми людьми своих «улан зала»: обновление символизировало наделенность жизненностью, чадородием, покровительство высших сил, продление жизни человека на еще один год.

У современных калмыков эта символика продолжает иметь большое значение, но в новой интерпретации: порой считают, что чем толще и длиннее будет кисть, при этом пришита на макушке головного убора так, чтобы свободно лежала, перемещаясь при ходьбе в разные стороны, тем больше «улан зала» распространит свою силу и благополучие, полученные свыше, символом кото-

рого она является. Сакральность «улан зала», по представлениям современных калмыков, усиливается при прочтении молитв над ней буддийскими священнослужителями. Это коррелируется с представлениями в буддизме о раскрытии тысячелистного белого лотоса во время молитв или медитации, через образ которого верующие получают очищение разума и познание истины.

Таким образом, в жизни современных калмыков «улан зала» как атрибут головного убора и многозначный термин имеет большое значение. Знаковость его как этнического символа способствовала включению термина в этноним. Для современных калмыков «улан зала» выполняет роль этноразличительного маркера. Связь «улан зала» с традиционным мировоззрением калмыков способствовала сохранению его как сакрального символа в современных реалиях.

Литература

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2008. 774 с.

Габышева Л. Л. Жизнь и смерть в контексте антропоморфной картины мира // Олонхо — духовное наследие народа Саха: сб. науч. ст. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2000. С. 101–108.

Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. Дополнительные указы Галдан-хун-тайдяжия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Имп. Акад. наук, 1880. 144 с.

Имкенова А. Б. Этническая идентичность калмыков. Элиста: Джангар, 1999. 91 с.

Митиров А. Г. Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2012. 236 с.

Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834. 290 с.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, СО., 1988. 225 с.

«Шара туджи» — монгольская летопись XVII века. / Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения; Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 199 с.

Эрдниева У. Э. Калмыки (конец XIX – начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 311 с.